бежной историографий // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. Вып. 3(20). С. 140–152.

22. Тяжелые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) / Сост. А.Н. Яхонтов // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 5–137.

23. Gatrell P. Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington; Indianapolis, 1999. 317 p.

24. Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. Vol. 60. № 3 (Jul., 2001). P. 404–419.

УДК 94(470.5)»1941/1945»
ББК 369.78.2 ГСНТИ03.23.55 ВАК 07.00.02

Н.Н. Мельников
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ВЫПУСКА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ[1]

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Урал, экономическое развитие, производство строительных материалов, Великая Отечественная война.

АННОТАЦИЯ. В статье исследованы основные проблемы снабжения уральских промышленных предприятий строительными материалами. Проанализировано состояние производства стройматериалов в начальный период войны. На основе широкого круга источников, вновь вводимых в научный оборот, показаны масштабы и причины дефицита этих материалов.

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-01-0036

N.N. Melnikov
Yekaterinburg

PROBLEM OF PRODUCTION OF CONSTRUCTION MATERIALS IN THE URALS IN THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

KEY WORDS. Brick, cement, glass, Urals, production, construction, war.

ABSTRACT. Article breaks off the main problems of supply of the Ural industrial enterprises with construction materials. The general analysis of a condition of production of building materials in an initial stage of war is given. On the basis of a wide range of the sources which are again introduced for scientific use scales and the reasons of deficiency of these goods are shown.

После начала Великой Отечественной войны, с конца августа 1941 г. на Урале начала действовать комиссия Академии наук (АН) СССР. Главная задача, которая была поставлена перед комиссией, – изучение возможностей использования уральской экономики на нужды обороны. По итогам её работы к ноябрю 1941 г. был подготовлен доклад, включивший в себя индустриальное положение региона к осени 1941 г. и перспективы развития на 1942 г. следующих отраслей экономики: черная и цветная металлургия, производство огнеупоров, флюсов и стройматериалов, лесохимия, топливоснабжение, электроэнергетика, водное хозяйство, железнодорожный транспорт, сельское хозяйство. К сожалению, в доклад не вошли такие отрасли как машиностроение, металлообработка, химическая промышленность в целом и резинотехническая в частности, автотранспорт и сеть автомобильных дорог.

Относительно выпуска строительных материалов содержались следующие сведения. В 1941 г. на Урале действовали 3 цементных завода: Невьянский и Катав-Ивановский (шлакопортландцемент), Сухоложский (портландцемент). Вводился в строй Пашийский завод глиноземистого цемента. Кроме того, действовали помольные установки на Нижнесалдинском и Магнитогорском заводах. Общее производство этих мощностей в 1941 г. оценивалась в 500 тыс. т по обжигу и 815 тыс. т по помолу цемента.

Комиссия утверждала, что увеличение мощности на существующих заводах и запуск новых производств позволит увеличить

выпуск готового цемента в 1942 г. примерно в полтора раза. При этом указывалось, что при резком росте потребности в цементе необходимо будет построить два-три новых завода в районе Челябинска, Губахи и Карпинска. Основой этого строительства должны стать эвакуированные предприятия.

Важным ресурсом для строительных материалов в то время были гранулированные доменные шлаки, которые производили, как правило, металлургические заводы. Помольные установки были на Магнитогорском металлургическом комбинате (ММК), Серовском, Нижетагильском им. Куйбышева, Нижнесалдинском, Чусовском и Ашинском заводах. Общее производство составило в 1941 г. 342 тыс. т гранулированных шлаков. В то же время потребность цементных заводов в этом материале составляла 460 тыс. т. Следовательно, образовывался дефицит шлаков для цементной промышленности региона в 108 тыс. т.

Но потребность в гранулированных шлаках была гораздо шире только производства цемента. Шлаки широко использовали для различных строительных целей – стеновые материалы изготавливались, в том числе из шлакобетонных блоков. По ориентировочным подсчетам комиссии, эта потребность выражалась в 1200 тыс. т. Соответственно, мощность уральских помольных гранустановок покрывала потребность региона не более чем на 30%. Пути увеличения их выпуска комиссия предлагала искать в форсированном строительстве гранустановок на Новотагильском, Магнитогорском и Серовском заводах (3. Д. 159. Л. 61–64).

Следующий строительный материал, который рассматривала комиссия, – производство кирпичей. Основной проблемой, которую выявил доклад, была высокая степень распыленности кирпичных заводов между различными ведомствами и высокая дифференциация мощностей предприятий. Наряду с крупными механизированными промышленными площадками, выпускавшими кирпичи десятками миллионов штук, существовало множество мелких полукустарных заводиков, работавших преимущественно сезонно и дававшими не более 1–2 млн штук.

Еще одна проблема – это диспропорции внутри самих предприятий между прессовым, сушильным и печным хозяйством. Например, на Ирбитском диатомитовом комбинате (ИДК) производственные мощности прессового хозяйства, по мнению комиссии, позволяли выпускать до 78,6 млн штук кирпича, сушильного – до

60,0 млн, а печного – 71,4 млн. Примерно такой же разрыв был на свердловском заводе «Новострой» – 75,1 млн, 61,2 млн и 85,7 млн штук соответственно. Таким образом, основной проблемой стал процесс сушки кирпича (3. Д. 159. Л. 64–65).

В докладе комбинат назывался «Ирбитским кирпичным заводом». Но в действительности по состоянию на осень 1941 г. в Ирбите существовало два предприятия, выпускавших эту продукцию: диатомитовый комбинат Наркомата стройматериалов и кирпичный завод Наркомата путей сообщения (НКПС) СССР. Первый выпускал в основном легковесный сплошной кирпич, а второй – трепельный кирпич. Последний обладал одной важной особенностью – такой кирпич очень сильно боится влаги, под воздействием которой быстро разрушается. Завод был в своих производственных возможностях гораздо скромнее комбината: в самом результативном 1941 г. он выпустил почти 10 млн штук. Поэтому, когда комиссия говорила о «Ирбитским кирпичном заводе», нам необходимо понимать, что в действительности это ИДК.

Производственные возможности диатомитового комбината были, мягко говоря, сильно преувеличены комиссией. Указанного уровня производства предприятие смогло достигнуть только в 1936 г., когда с января по сентябрь было выпущено 50 млн кирпичей (1. Ф. Р-985. Оп. 1. Д. 57. Л. 60). Но впоследствии выпуск резко упал. Комбинат был пущен в строй в 1931–1932 гг. и состоял из диатомитового карьера, завода №1 и завода №2, спроектированных по одной технологической схеме. Однако из-за большого количества ошибок, допущенных при строительстве, оборудование и здания комбината стали в буквальном смысле разваливаться.

В октябре 1938 г. завод №1 был полностью законсервирован. За предшествующий период эксплуатации была разрушена печь №2, ветхость перекрытий над сушилками и формовочным цехом достигла предела, к тому же надпечные сушилки грозили обвалом. Уже летом 1941 г. на основе площадей завода №1 ИДК и перемещенных мощностей Ленинградского фарфорового завода им. М. В. Ломоносова стало формироваться автоизоляторное производство.

Завод №2 еще продолжал свою работу, но и его состояние было достаточно тяжелым: большинство фундаментов зданий и оборудования было выложено из трепельного кирпича. Уже к осени 1941 г. они были частично разрушены, а некоторое оборудование или было частично разрушено, или требовало капитального ремонта:

агрегат №4 формовочного цеха из-за разрушения фундамента был демонтирован; часть оборудования сушильного цеха находилась в аварийном состоянии и требовала капитального ремонта; в цехе обжига из двух печей ЗИГ-ЗАГ по 1600 куб. м одна находилась в аварийном состоянии (разрушена торцевая сторона), а половина второй печи была выведена на капитальный ремонт (1. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 79. Л. 1, 8–10).

Поэтому реальные возможности диатомитового комбината (или Ирбитского кирпичного завода – по мнению авторов доклада комиссии АН СССР) были в два раза ниже. План на 1941 г. составлял для предприятия по обжигу только 30 млн штук кирпича, который комбинат успешно выполнял в течение всего года (1. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 79. Л. 2). Осенью 1941 г. ИДК начал принимать на площадку завода №2 эвакуированный Константиновский завод «Автостекло» (Донбасс) (1.Ф. Р-985. Оп. 1. Д. 57. Л. 79–80). С этого момента был полностью изменен профиль предприятия. С начала 1942 г. оно стало называться Ирбитский стекольный завод, основной продукцией которого стали броневое стекло для бронетехники и самолетов, стекла для прожекторов, жидкое стекло для изготовления электродов, керамические изоляторы свечей для двигателей, фарфоровая посуда и другое. Соответственно, выпуск кирпичей (в основном термоизоляционных, а не как ранее строительных) находился все годы войны на уровне 4–6 млн штук в год (2). Примерно в таком же объеме выпускал свою продукцию в военные годы Ирбитский кирпичный завод НКПС.

Но самое главное, что потребность в кирпиче в регионе на 1941 г. оценивалась в 1100 млн штук, а могло производиться по очень оптимистичным подсчетам комиссии только около 800 млн (реально гораздо меньше). По оценке авторов доклада, потребность в кирпиче в следующем году должна была возрасти до 1500 млн штук. Тем самым разрыв между производством и потребностями увеличивался более чем в два раза!

Покрывать этот разрыв предлагалась тремя путями. Во-первых, устранение дисбаланса между прессовым, сушильным и печным хозяйством, что позволит дать дополнительно около 200 млн штук. Во-вторых, использованием заменителей кирпича для стеновых панелей (гипсовые и шлаковые блоки), что по расчетам могло дать экономию в 250 млн кирпичей (но шлаковые блоки были в дефиците!). В-третьих, построить 5–6 новых кирпичных заводов общим

производством в 250 млн штук в районе Серова, Челябинска, Нижнего Тагила, Магнитогорска и Молотова (3. Д. 159. Л. 65–66).

Стекольная промышленность на Урале в довоенный период практически отсутствовала. Существовало только 4 полукустарных производства по изготовлению стеклянной тары. В первые месяцы войны началось строительство первого на Урале механизированного завода по изготовлению листового стекла. К сожалению, источник ограничивается только этой информацией и не дает ни названия, ни характеристики хода строительства этого предприятия. В качестве пожелания комиссия говорила о целесообразности строительства трех стекольных заводов в районе Нижнего Тагила, Магнитогорска и Златоуста на 4–6 т стекла в год (3. Д. 159. Л. 66–68).

Однако логика развития производства строительных материалов, вопреки мнению комиссии АН СССР, стала развиваться в совершенно ином направлении. В Свердловской области (на тот момент один из самых насыщенных регионов по количеству промышленных объектов в стране с учетом временного выбытия западных предприятий) четко обозначился катастрофический спад производства одного из основных строительных материалов – кирпича. Всего в области насчитывалось 110 заводов, выпускающих кирпичи. На середину 1943 г. их мощность оценивалась в 290–356 млн кирпичей в год. Даже приблизиться к такому уровню выпуска не удавалась ни разу за все военные годы. В 1941 г. (с учетом довоенного полугодия) кирпичные заводы области смогли выпустить самое большое количество этого стенового стройматериала – 187 млн штук кирпича, в 1942 г. – 92,5 млн штук при плане в 263,7 млн. План выпуска на первое полугодие 1943 г. составил 51,6 млн штук, но заводы смогли изготовить только 11,8 млн. Это был крайне низкий показатель, поскольку минимальная потребность в кирпиче в первой половине 1943 г. оценивалась в 150 млн штук (3. Д. 414. Л. 122–123). Следовательно, реальное производство составило менее 8% от существовавших потребностей.

Всего за 1943 г. область смогла выпустить 74,8 млн штук (менее 50% от плана – подсчитано автором) (3. Д. 623. Л. 83об). Фактически это были производственные мощности одного только завода «Новострой» в довоенный период. Резкий рост производства во второй половине 1943 г. был вполне оправдан, поскольку в изготовлении кирпичей, как нигде, более важную роль играл сезонный фактор. Летний период максимально использовался для добычи

сырья (велась преимущественно ручным способом) и сушки кирпичей без специального оборудования. Именно на это время года приходилась активная часть работы кирпичных полукустарных «заводиков» местной промышленности и промкооперации. Правда, их доля была весьма невысока: за 1943 г. они суммарно дали только 3,5 млн кирпичей из 74,8 млн, или менее 5% (3. Д. 414. Л. 83). Даже с учетом полного выполнения плановых заданий (а эти производства смогли изготовить менее половины от запланированного объема продукции) местные и промкооперативные организации не могли радикально повлиять на общий валовой выпуск кирпичей в области.

Небольшой рост выпуска кирпичей в Свердловской области обозначился только в 1944 г., когда все кирпичные заводы области смогли суммарно изготовить 83 млн штук. Правда, и в этом случае план оказался выполнен лишь наполовину. Всего ожидалось производство 160–165,5 млн штук (3. Д. 623. Л. 84, 194).

При соотношении запланированного и фактически выпущенного кирпича нужно всегда понимать, что эти цифры будут далеки от реальной потребности региона в стеновых материалах. При планировании и составлении баланса уровня выпуска красного кирпича в конце 1944 г. на предстоящий год Уполномоченный Госплана И. Крутиков исходил из потребности всего строительного комплекса Свердловской области в 302 млн штук кирпича. Будучи большим оптимистом, он подсчитал, что кирпичные заводы свердловщины смогут выпустить в 1945 г. 183 млн штук. Но в то же время представитель Госплана, насколько это было возможно, где-то глубоко в душе остался реалистом. Опыт предыдущих лет какого-либо оптимизма не внушал: в предыдущий военный период валовый объем производства находился на уровне 70–90 млн штук в год. И. Крутиков предлагал образовавшийся дефицит (а он ни много ни мало составлял почти 40% – подсчитано автором) покрывать за счет масштабного расширения производства кирпичных заменителей – шлакоблоков. Они были в разы дешевле кирпича, изготовление несложных установок позволяло быстро нарастить их выпуск (3. Д. 623. Л.193–200).

Завод «Главвоенпромстрой» УралОВСУ разработал специальную установку, которая выпускала за одну рабочую смену 1 тыс. шлакоблоков (7 тыс. условных кирпичей). Но дальше И. Крутиков опять превращался в оптимиста и считал, что область, при условии

принятия «шлакоблочной» программы, сможет в течение года выпустить этих стеновых материалов на 119 млн штук условных кирпичей. Отчасти его планы подтверждались тем, что в IV квартале фактическое производство шлакоблоков превысило план в полтора раза: вместо запланированных 20,3 млн штук удалось произвести 30,5 млн (З. Д. 623. Л. 194).

Уполномоченный Госплана по Свердловской области был прекрасно осведомлен о состоянии дел в региональной промышленности. Он, как никто другой, представлял себе реальные возможности среднеуральских кирпичных заводов. Однако, вышеописанная программа – это суммарные потребности промышленных предприятий и строительных организаций области на предстоящий 1945 г. В своих «лучших» традициях советское руководство составляло производственные планы, резко превышающие реальные возможности заводов. Решение проблемы обеспечения уральского строительства за счет увеличения выпуска шлакоблоков было заранее обречено на провал, поскольку изготовление заменителей кирпича должно было идти не вместо кирпичей, а параллельно с ним. Другими словами, И. Крутиков предлагал, не сокращая основного производства (оно должно было только увеличиться), создать в регионе фактически новую отрасль производства строительных материалов. Таких возможностей и ресурсов у региональной промышленности просто не было.

С одной стороны, кирпичная промышленность сочетала в себе такие вполне современные предприятия, как «Новострой» и Ирбитский завод НКПС, способные выпускать по нескольку миллионов штук кирпичей в год. А с другой стороны, в Уральском регионе существовало огромное количество небольших сезонных кирпичных заводиков местной промышленности и промкооперации. Следовательно, те процессы, которые будут протекать на Ирбитском заводе и «Новострое», станут определяющими для всей кирпичной промышленности региона. В силу сезонности работ в этой отрасли доля «Новостроя» в общем выпуске кирпича разнилась в зависимости от времени года. В целом за 1943 г. завод дал менее 18% всей продукции области, тогда как за I квартал 1944 г. – уже более 22% (З. Д. 623. Л. 83).

Только к концу 1943 г. – началу 1944 г. были решены многие (но далеко не все) проблемы свердловского кирпичного завода. Рабочие «Новостроя» в продовольственном снабжении были отнесе-

ны к особому списку, а значит, стали иметь потенциальную возможность получать улучшенное питание. Заводу были обеспечены лимиты электроэнергии и топливные фонды (случай достаточно редкий для военного времени в отношении невоенного производства). Однако это не позволило кардинально переломить ситуацию для завода.

И. Крутиков утверждал, что основная проблема всей кирпичной промышленности – катастрофический недостаток кадров. К этому добавлялись нехватка запасных частей и как следствие плохой ремонт оборудования. «Новострой» был самым передовым предприятием Урала в данной сфере: он имел современное техническое оснащение в отличие от большого количества мелких полукустарных предприятий промкооперации и местной промышленности. В период войны завод резко снизил выпуск кирпичей с 56 млн штук в 1941 до 30,8 млн в 1942 г. и 13,3 млн в 1943 г. К первой половине 1944 г. из двух производственных очередей реально работала только одна и только в одну смену (вместо двух). Но даже для этого объема работ кадры оставались большим дефицитом. Из необходимых 550 человек формально на заводе числилось 307, а реально работало – 225 человек. Поэтому даже для запуска только второй смены требовалось еще как минимум 250 человек. Но и это еще не все. Большинство работников были временными кадрами, которых предприятия-потребители присылали на кирпичный завод для выполнения своей программы (3. Д. 623. Л. 84).

В еще более сложном состоянии находился все военные годы Ирбитский кирпичный завод. Его проблемы не были разрешены даже частично. При общей годовой потребности 5404 т условного угля (около 9 тыс. т в натуральном выражении – завод мог рассчитывать только на поставку местного низкокалорийного топлива) предприятие в течение 1942–1944 гг. получило менее 19%. Основным источником поставок топлива в 1943 и 1944 гг. стали потребители завода, которые суммарно предоставили большую часть угля. Именно за счет этого на Ирбитском заводе НКПС в итоге топливная обеспеченность находилась на уровне 30% от плана. Но уже в ноябре 1944 г. поставки угля практически полностью прекратились, и как минимум до начала декабря (а возможно и дольше) завод вынужденно простаивал. Соответственно, все военные годы Ирбитский завод находился на достаточно низком уровне выпуска основной продукции. Если в 1941 г. было выпущено почти 10 млн штук

кирпича, в 1942 г. – менее 5 млн, в 1943 г. – менее 6 млн, а за 1944 г. – менее 3млн (3. Д. 619. Л. 358–359, 362).

Как и «Новострой», Ирбитский завод НКПС вынужден был использовать работников потребителей. Этот контингент составлял около четверти всей рабочей силы на заводе в 1943 и 1944 гг.Именно дефицит рабочий силы стал главным фактором плохой работы предприятия. Из-за отсутствия угля завод простоял в общей сложности 135 пресс-смен, тогда как за счет отсутствия рабочей силы – 360 пресс-смен. Но в отличие от «Новостроя» в Ирбите основные «коренные» рабочие кирпичного предприятия как минимум до конца 1944 г. так и не получили статуса работников военного производства. Продовольственные карточки они получали по категории «служащие». Это означало, что работники завода при тяжелых физических нагрузках гарантированно не получали необходимый суточный объем калорий (3. Д. 619. Л. 359–362).

Примечательно, что в создании трудной производственной ситуации, власть всегда пыталась обвинить само руководство завода. В своем постановлении в середине марта 1942 г. Ирбитский райком партии констатировал, что в течение предыдущих двух месяцев Ирбитский кирпичный завод выполнял менее половины от месячной программы, в основном по причине отсутствия топлива и электроэнергии. Но вся вина была возложена на руководство предприятия: «Все эти недостатки явились следствием безответственного отношения директора завода тов. Казанцева и секретаря парторганизации тов. Рубинштейн, которые не занимались по-настоящему работой завода и довели его до такого позорного состояния» (1. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 32. Л. 110).

В качестве одной из мер, которая потенциально позволяла бы решить проблему кадров, могло стать использование труда заключенных ГУЛАГа. И. Крутиков предложил организовать при «Новострое» колонию на 150 заключенных (3. Д. 623. Л. 84) (данные об организации на заводе колонии обнаружить пока не удалось – примечание автора).

Несмотря на отдельные положительные моменты развития «Новостроя», тем не менее все кирпичные заводы, как Свердловской области, так и уральского региона, страдали общими проблемами вплоть до конца войны: некомплект рабочей силы и дефицит топлива. Что приводило к резкому падению производства, чаще

всего в два-три раза, а иногда и более (1. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 32; 3. Д. 623. Л. 195).

Примерно в схожем состоянии находилась цементная промышленность. Сухоложский цементный завод весь 1942 г. и как минимум первую половину 1943 г. проработал крайне неудовлетворительно. При условии нормального снабжения предприятия ресурсами цементный завод мог выпускать до 210 тыс. т цемента в год, но в течение этого периода он «больше стоял, чем работал». В первой половине 1942 г. завод не работал из-за отсутствия топлива. С середины 1942 г. добавились другие проблемы: постоянный дефицит электроэнергии. При нормальном снабжении предприятия в 2500 кВт цементный завод не получал и 1400 кВт. Чаще всего он работал с ограничениями в 500, 400 и даже 50 кВт (3. Д. 414. Л. 50–51).

Цементные заводы Свердловской области в середине 1943 г. фактически остановились из-за недостатка гранулированного шлака. Например, обком ВКП (б) приводил следующие данные: завод им. Серова должен был отгрузить Невьянскому цементному заводу 9,5 тыс. т гранулированного шлака, но реально цемзавод получил менее 1 тыс. т. (3. Д. 385. Л. 11). Добавлялась проблема железнодорожных перевозок: в течение I квартала 1943 г. железная дорога «совсем не возила строительных материалов» (3. Д. 414. Л. 46). Следовательно, производство строительных материалов в регионе находилось в таком плачевном состоянии, что промышленность Урала была обречена на постоянный дефицит этой продукции. Положение усугублялось неудовлетворительной работой железной дороги, которая не могла вовремя обеспечить как доставку топлива на предприятия, выпускавшие строительные материалы, так и доставку строительных материалов потребителям.

В военные годы стал действовать уже упоминавшийся Ирбитский стекольный завод, который выпустил с 1942 по 1945 гг. около 92 тыс. кв. м оконного стекла, причем более половины от произведенного пришлось на последний год (2).

Именно в силу недостатка стеновых материалов единственным доступным материалом для строительства (прежде всего жилищного) был лес-кругляк, который обязательно должен быть заготовлен где-то неподалеку от стройки (иначе возникали проблемы с его транспортировкой). Например, трест «Свердлпромстрой» для нужд строительства на Уральском заводе тяжелого машиностроения и

заводе №76 Наркомата танковой промышленности (НКТП) зимой 1942–1943 гг. настоял на выделении лесосеки именно в Верхнепышминском районе (т. е. рядом с этими предприятиями) на 25 тыс. куб. м, иначе у него неизбежно возникали проблемы с его доставкой на стройплощадки (3. Д. 414. Л. 6,7).

Есть несколько условий правильной заготовки бревен для строительства. Первое – лес нужно рубить в зимний период, когда дерево менее всего пропитано влагой. Если бревна заготавливали в другой период, то это гарантированно приводило к тому, что дерево было напитано влагой. Второе – лес нельзя использовать в строительстве сразу после заготовки. Этот строительный материал, даже срубленный зимой, должен просохнуть (отлежаться) в течение достаточно длительного времени. Без соответствующей просушки бревна будут обязательно трескаться и нарушать свою геометрию. Чаще всего времени и технических возможностей для этой процедуры у уральских строителей не было, поэтому здания часто строились из свежесрубленного леса. Следовательно, уже к следующей зиме стены бараков, а именно для них чаще всего использовался лес-кругляк, покрывались щелями, через которые наружу выходило тепло.

Такое положение означало, что основные строительные материалы в годы войны стал крайне дефицитным товаром. Это отразилось и на промышленном, и на жилищно-бытовом строительстве в регионе. Особая строительно-монтажная часть (ОСМЧ) «Уралмашстрой», которая осуществляла строительные работы на многих основных промышленных площадках области, постоянно испытывала острый дефицит стройматериалов. На работы по заводу №50 НКТП за первую половину 1944 г. ОСМЧ получила только 150 т цемента из необходимых 400, но совершенно не имела кровельных материалов (необходимо было 420 рулонов толя) и стекла (2,5 тыс. кв. м). И точно также отсутствовали стройматериалы по другому свердловскому объекту. «Уралмашстрой» не мог продолжать работы на свердловском подшипниковом заводе из-за отсутствия 700 т цемента, 16 тыс. кв. м кровельных материалов, 4,8 тыс. кв. м оконного стекла и т. д. (3. Д. 623. Л. 104–105).

Кроме того, у ОМСЧ «Уралмастроя» существовала другая программа, которая была гораздо шире свердловских объектов. Предполагалось значительное расширение завода №183 и некоторые работы по другим площадкам области (Алапаевская ГЭС и Алапа-

евский металлургический завод, завод №767 НКХП, строительство шоссейной дороги Уралвагонзавод – Нижний Тагил и др.). Для выполнения этой программы соотношение необходимого объема стройматериалов и имеющегося в наличии было следующее (по состоянию на начало июля 1944 г.) (З. Д. 623. Л. 108):

Материалы	Требуется	В наличии
Гвозди	147 т	0,4 т
Проволока	38,6 т	0,6 т
Лес круглый	58000 куб. м	274 куб. м
Лес пиленный	41000 куб. м	58 куб. м
Кирпич красный	2555 тыс. шт.	25 тыс. шт.
Стекло	18000 кв. м	Нет

Все необходимые наряды были выписаны, но их обеспечение не производилось. Следовательно, строительно-монтажная часть «Уралмашстрой» изначально была поставлена в ситуацию, когда выполнить весь объем работ было невозможно в силу недостатка стройматериалов.

Пытаясь найти выход из сложившегося положения, местные и центральные власти пытались возложить изготовление кровельных, стеновых и отделочных материалов, скобяных и других изделий на сами промышленные предприятия и строительные организации. ОСМЧ «Свердлпромстрой» должна была еще в конце 1942 г. построить собственный кирпичный завод на 17 млн кирпичей в год. Однако вплоть до конца войны этого сделать не удалось (З. Д. 623. Л. 195). У «Свердлпромстроя» для подобного строительства отсутствовали производственные и кадровые возможности.

Дефицит материалов был таков, что жилищное строительство (которое было по определению вторично по отношению к промышленному) по всему региону обеспечивалось, как правило, не централизованными нарядами, а силами собственных подсобных хозяйств самих предприятий и организаций, для которых возводилось жилье. В конце июля 1944 г. Управляющий Свердловской областной конторой Промбанка М. Андриевский в своем докладе руководству Промбанка и первому секретарю Свердловского обкома А. В. Андрианову о ходе жилищного строительства в области прямо указывал на это: красный кирпич, пиломатериалы и бутовый кирпич изготавливают подсобные производства. В качестве примера он указывал, что на Уральском алюминиевом заводе стали делать кровельные материалы из пустой жестяной тары из-под каустика; трест «Уралмашстрой» сам изготавливал все стеновые мате-

риалы, металлические, железобетонные и деревянные конструкции. В качестве контрпримера приводилось Управление капстроительства завода №183 НКТП, где все подсобные предприятия уже более года находились в стадии проектирования. М. Андриевский указывал, что все стройки области испытывают недостаток стекла, изготовить которое промышленные предприятия были не в состоянии (3. Д. 623. Л. 139).

Казалось бы, самообеспечение предприятий это тот выход, который позволит решить или значительно снизить проблему обеспечения уральской промышленности строительными материалами и огнеупорами. Но в условиях войны подобная практика приводила к еще большому распылению одного из главных дефицитных ресурсов – кадрового. Более того, предприятия, которые строились и функционировали на выпуске определенного вида узкой продукции (огнеупоров, красного кирпича, скобяных изделий и т. д.), в таких условиях оказывались не у дел. Их оборудование не могло эффективно использоваться, а вместо него приходилось создавать новые подобные мощности на крупных заводах.

Таким образом, доклад комиссии Академии наук СССР в целом дал правильную, хоть и несколько завышенную характеристику развития уральского производства строительных материалов: регион испытывал их острый дефицит. Все проблемы, которые были обозначены комиссией, еще больше проявились в условиях военного времени. Однако, пути дальнейшего развития этого сегмента промышленности были оценены неверно. Особенности развития советской индустрии не позволили уделить выпуску кирпичей, цемента и стекла достаточно внимания. На основе дефицита топлива, энергоресурсов и кадров производство стройматериалов не только не увеличилось, но как раз резко сократилось. В то же время восполнить недостаток местных ресурсов поставками из других регионов страны не было возможно: даже при условии их наличия железнодорожный транспорт не справлялся со своими задачами в рамках существовавших маршрутов и номенклатуры перевозок. Следовательно, строительная сфера Урала все военные годы вынуждена была существовать в условиях тяжелого дефицита стройматериалов.

Источники:

1. Государственный архив в г. Ирбите.

2. Ирбитский историко-этнографический музей.

3. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31.

УДК 94(47)
ББК 789.561 ГСНТИ 03.23.55 Код ВАК07.00.02

Н.В. Мельникова
Екатеринбург

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОДЫ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА[2]

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: атомный проект СССР, коммуникация, информационные коды

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются официальные и неофициальные информационные коды коммуникативного пространства советского атомного проекта, которыеобеспечивали его секретность и формировали корпоративную культуру «атомной» социальной общности.

N.V. Melnikova
Yekaterinburg

INFORMATION CODES OF THE SOVIET NUCLEAR PROJECT

KEY WORDS: nuclear project of the USSR, communication, information codes

ABSTRACT. The article analyzesofficial and informal information codes of the Soviet nuclear project'scommunicative space, which provided its secrecy and formed corporate culture of a «nuclear» social community.

Информационное поле советского атомного проекта было насыщено разного рода зашифрованной информацией, условными названиями и ложными (отвлекающими) предметами. Формировались специфические информационные коды, одни из которых были

[2] Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00053.